

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Татьяна и Владимир
Мирошник

МИННОЕ ПОЛЕ

Вместо предисловия

Дорогой друг!

Книга, которую ты держишь в руках, посвящена малоизвестным страницам истории Великой Отечественной войны. Прочитав ее, ты узнаешь о подвиге юных саперов, мальчишек и девчонок, участвовавших в разминировании освобожденных от фашистов районов, огромных территорий, нашпигованных минами, неразорвавшимися бомбами и снарядами.

Читай и помни.

Dear friend!

The book you hold in your hands is devoted to the little-known pages of the Great Patriotic war history. After reading it you will learn about the feat of young sappers, boys and girls who participated in the demining of areas liberated from the Nazis, the vast territories, packed with mines, unexploded bombs and shells.

Read and remember.

*...Выйдем-ка в чистое поле, сынок.
Видишь пологие эти курганы,
Эту речушку и этот лесок,
Этих оврагов глубокие раны?*

*Видишь взрыхленную плугами зябь?..
Руки в нее погрузи осторожно
И попытайся уверенно взять
Горсть размягченной земли придорожной.*

*Знаешь ли, сколько за тысячу лет
Страшных боев на земле этой было?
Столько, что всякой не русской земле
Их бы на сотню историй хватило.*

*В этой земле твои предки лежат,
Все, за последние десять столетий! –
Это и есть та святая межа,
Что отделяет бессмертье от смерти.*

*Если ты примешь их жизнь, как свою,
Если себя ты увидишь стоящим
Правофланговым в их ратном строю,
Значит, ты вечность при жизни обрщешь.*

*Если же ты равнодушно пройдешь
По вековечному бранному полю,
Что ж, значит, ты прежде смерти умрешь...
Сам выбирай. Я тебя не неволю.*

И. Гревцов

Начало 1944 года. Отгремели бои на огненной Курской дуге, Красная армия уже громила фашистских захватчиков далеко за Днепром, уходя все дальше на запад. Следом за фронтом шли трофейные и саперные команды. Они хоронили погибших, обезвреживали на скорую руку оставшиеся мины, бомбы и снаряды. Надо было в срочном порядке очищать землю от взрывоопасных предметов и искореженной боевой техники, чтобы безбоязненно пахать и сеять. Без этого восстановить разрушенное хозяйство, накормить голодающий народ было невозможно.

К началу 1944 года стало ясно, что ни армейские саперы, ни вспомогательные трофейные команды не в состоянии в сжатые сроки очистить освобождаемые территории от мин. Военкоматам была дана команда на неделю-другую привлечь к разминированию мужчин, работавших в ближайшем тылу и имевших бронь. Однако этого было совершенно недостаточно.

Ситуация складывалась очень непростая. И 19 февраля 1944 года по инициативе председателя Государственного Комитета Обороны Сталина вышло Постановление ГКО № 5216 «О привлечении организаций ОСОАВИАХИМа к работам по разминированию».

ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – добровольная общественная организация. В довоенные годы в ней обучали допризывную молодежь основам военного дела (прим. ред.).

Согласно этому постановлению на организации ОСОАВИАХИМа возлагалась работа по окончательному разминированию местности и сбора оставшегося трофейного и отечественного оружия, боеприпасов и другого военного имущества в городах и сельских местностях, освобожденных от немецкой оккупации, после ухода из них специальных инженерных и трофейных частей, а также по оказанию помощи этим частям в этих районах.

Для этого предписывалось сформировать при каждом районном совете ОСОАВИАХИМа СССР освобожденных от оккупации областей, районную команду по разминированию и сбору вооружения, боеприпасов и другого военного имущества в составе 50–100 человек.

Команды создать на добровольных началах из числа рабочих, служащих, колхозников и учащихся, преимущественно членов ОСОАВИАХИМа, обоего пола в возрасте не моложе 16-ти лет...

Желающих записаться в «разминеры» набралось более чем достаточно. Ведь многие мальчишки бредили фронтом, а их по малолетству не брали. Кроме того, на работах по разминированию относительно прилично кормили, что для подростков, опухших от недоедания, было тоже весьма немаловажно.

Азам разминирования их учили саперы-фронтовики. Некоторые из них потом возглавили команды. Но профессионалов не хватало. Поэтому толковых ребят готовили как инструкторов и назначали старшими групп разминирования.

Тех, кто прошел курс подготовки, чуть ли не на следующий день отправляли на разминирование. Приходилось обезвреживать хитроумные взрывные устройства, оставленные немцами. Начиная с 1930-х годов немецкие минные технологии были самыми совершенными. А в ходе войны появились новые образцы мин со сложнейшей защитой от разминирования или вообще установленных на неизвлекаемость.

Работали по большей части вслепую. Получить планы советских минных полей было крайне трудно, к тому же они были неточны, а порой, и не соответствовали действительности. О планах немецких минных полей вообще говорить не приходилось.

За день, бывало, на одного сапера приходилось по полгектара поля. Для сравнения: по современным мировым нормативам, для пары профессиональных саперов дневная норма – от 7 до 10 квадратных метров!

Таких наспех обученных саперному делу пацанов и девчонок в стране было 150 000. От Карелии до Северного Кавказа их направляли на разминирование огромных территорий, напигованных минами, неразорвавшимися бомбами и снарядами. Сколько их погибло – ни тогда, ни сегодня точно не знает никто.

Наградами же за этот смертельно опасный труд были разного рода грамоты, в лучшем случае – значки «Отличный сапер». Официальных документов об участии в разминировании никто и никогда не выдавал.

Более того, в конце 1950-х – начале 1960-х годов все документальные данные о проведении работ юными разминерами целенаправленно изымались из архивов и уничтожались. Существует версия, что решение засекретить факт привлечения подростков к разминированию было принято еще до окончания войны, перед одной из конференций глав союзных держав.

И только в начале 1990-х годов тех, кто участвовал в разминировании, приравнивали к ветеранам войны. К сожалению, многие из разминеров к тому времени уже умерли от полученных ран и болезней. Некоторые не получили подтверждающих справок по причине отсутствия списков и сведений об их участии в разминировании.

Этим известным и неизвестным героям, еще живущим и уже ушедшим, посвящается данная повесть.

МИННОЕ ПОЛЕ

Тимофей проснулся, но продолжал лежать с закрытыми глазами. Вспомнил, как мама рассказывала, что до войны людей по утрам будили петухи. Но сейчас в их деревне не осталось ни одной домашней птицы. Поэтому Тима лишь по тихому звяканью посуды догадался, что пора вставать. Ему вдруг показалось, что запахло вареной картошкой и теплым хлебом.

Неожиданно мягкая рука матери коснулась его лба.

— С днем рождения, сын, — Тимофей почувствовал дыхание матери, и ее волосы коснулись его лица. Она провела рукой по щеке сына и еще раз прошептала: — С днем рождения. Тебе уже восемь лет, мой мальчик... Жаль, что отец не дожил до этого дня.

День рождения... Тима вспомнил, что три года назад, на его 5-летие отец пообещал взять сына с собой в поле и покатасть на тракторе, на котором пахал землю. Тима надеялся, что отец даже посадит его за руль, и отмечал дни в календаре, и нарочно берет для этого случая новую, купленную матерью на ярмарке холщовую рубашу. Но война нарушила все планы. Уходя на фронт, отец сказал, что скоро вернется и обязательно выполнит свое обещание. Ведь мужчины должны держать слово... А вот и не сдержал.

* * *

Пустые консервные банки, оставшиеся со времен финской оккупации, весело позвякивали на ограждении из колючей проволоки. Они словно поддразнивали играющих рядом детей и лающую собаку. По широкой проселочной дороге, мимо бывшего хлебного поля, ныне поросшего травой чуть ли не в человеческий рост и окруженного покосившимся колючим забором, шла Полина с сыном. Направляясь к колодцу, они привычно и спокойно прошли мимо криво висящего на проволоке и запачканного комками земли да рябиновыми каплями жизни куска фанеры с надписью «МИНЫ».

Тимофей с завистью смотрел за мальчишками, гоняющими на дороге старый, выдавший виды мяч. Никто из мальчишек не знал, что у Тимы сегодня день рождения, а ему самому хотелось поскорее поделиться этой новостью и заодно поразить друзей освоенным накануне новым способом чеканки мяча. Но под строгим взглядом матери, категорически запрещающей играть возле хлебного поля, он отвернулся от мальчишек, звякнул ведрами и направился к единственному на всю деревню колодцу.

Полина разрешила Тимофею бросить ведро в шахту колодца и смотреть, как быстро крутится ворот, как гремит дребезжащая цепь — мальчика всегда это увлекало. Но и быстро надоедало. Второе ведро в колодец бросила уже сама Полина, а именинник, пока мать налегала на рукоятку, незаметно улизнул.

Полина подумала, что, наверное, стоит сварить картошки, припасенной на черный день. Она тут же почувствовала ароматный запах горячих разварившихся клубней, посыпанных свежесрезанной зеленью с маслом, и качнулась от голода. Замерла, перестав крутить, и слегка улыбнулась. В этот момент она была далеко в прошлом, в своей, может, не очень счастливой, но почти безупречной довоенной семейной жизни, с мужем и сыном...

На очередном витке Полину оглушил звук взрыва. Где-то вдалеке консервные банки звякнули и замолкли. Полина оглянулась. Тимофея рядом не было. И в ту же секунду разнесся ее судорожный крик: — Тима!!!

Ворот колодца стремительно закрутился в обратную сторону. Ведро, поднятое не до конца, вновь полетело вниз, но звон цепи, пару минут назад радовавший мальчика, показался Полине погребальным.

Исходы, один хуже другого, крутились в голове у Полины, пока она мчалась к полю. Она бежала напрямик, по единственному крутому склону пологого холма.

Тимофей лежал в комьях земли и силился избавиться от пронзительного тонкого свиста в ушах. Его руки и ноги задубели, он ощущал их, но не мог пошевелить. Перед глазами была картина последних секунд, и сопровождал ее этот невыносимый звук.

Едва Тимофей сбегал от матери, как был с радостью встречен деревенскими пацанами. Под одобрительные возгласы мальчишек он ловко жонглировал мячом, и лишь беспородная радостная собака мешала ему, стараясь перехватить мяч. Тимофей представлял, будто рядом находится его отец, не верящий своим глазам, взбудораженный, гордящийся своим сыном. А после Тимофей вспомнил принесенную почтальоном похоронку, его лицо передернулось, вместе с ним дрогнула и нога, и мяч перелетел через звенящие банки и колючую проволоку.

Первым на поле рванулся четвероногий болельщик. Пес чудом добежал до мяча и остановился, касаясь его лапами и с вызовом озираясь на ребят. Своим собачьим зрением барбос видел мальчишек черно-белыми; лица ребят были бесцветными по другой причине.

В общем молчании Тимофей аккуратно раздвинул проволоку, банки даже не звякнули, и, нагнувшись, сделал первый шаг навстречу... Навстречу мячу, навстречу собаке, навстречу тысяче смертей, поджидающих под землей своего путника.

«Не надо», — робко заметил мальчик помладше, но, не дождавсь поддержки, замолк. А Тимофей шагнул еще дважды и вновь замер, пытаясь взглядом найти верный путь. Дворняга, до его шагов недвижимая, наконец, ощутила напряжение, сковывающее ребят, и со всей прытью, с высунутым вбок языком, помчалась назад, к своим лучшим друзьям, надеясь их ободрить.

«Стой!» — крикнул Тимофей. Грохот и взрывная волна были ему ответом. Тимофея развернуло, и он упал, повторяя про себя: «Стой, стой». Он лежал в странном оцепенении, умственном и физическом. И лишь перед глазами непрерывно прокручивалась одна и та же картина: мяч, собака, взрыв...

Крики матери вернули ему способность мыслить, и когда Полина подбежала к колючему забору, он сотню раз успел покаяться в своих невинных мальчишеских грехах.

«Тима!» — мамин голос раздался уже совсем рядом. Он поднял глаза и увидел ее, такую родную и близкую, что внутри защемило.

Полина раздвигала руками проволоку, не замечая, как острые края шипов до крови режут руки.

Тимофей поднялся, прильнул к матери. Полина обняла его и тут же, спохватившись, дала подзатыльник.

— Я же сказала, на минное поле не ходить! Бери ведро и марш домой!

Тимофей поплелся к колодцу. Взял ведро и шмыгнул носом.

— Ты чего?

— Боську жалко. — Опять шмыгнул Тимофей. — Мы его Боськой звали.

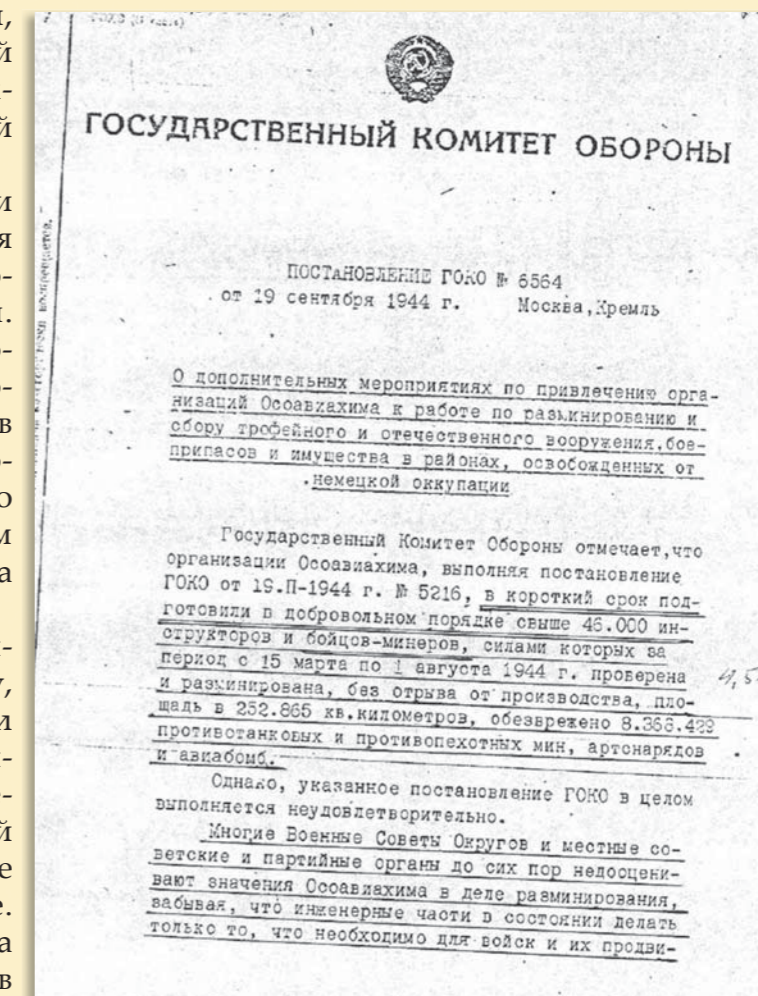
За полгода до случайной гибели Боськи, в феврале 1944 года Госкомитет Обороны СССР выпустил 187 распоряжений и постановлений, одно из которых ворвалось, хромя, в жизнь Полины в лице Петровича. Бывший староста по возрасту и здоровью к службе не был годен, но, будучи единственным взрослым мужчиной в деревне, проявлял по-своему заботу об оставшихся в селе женщинах и детях.

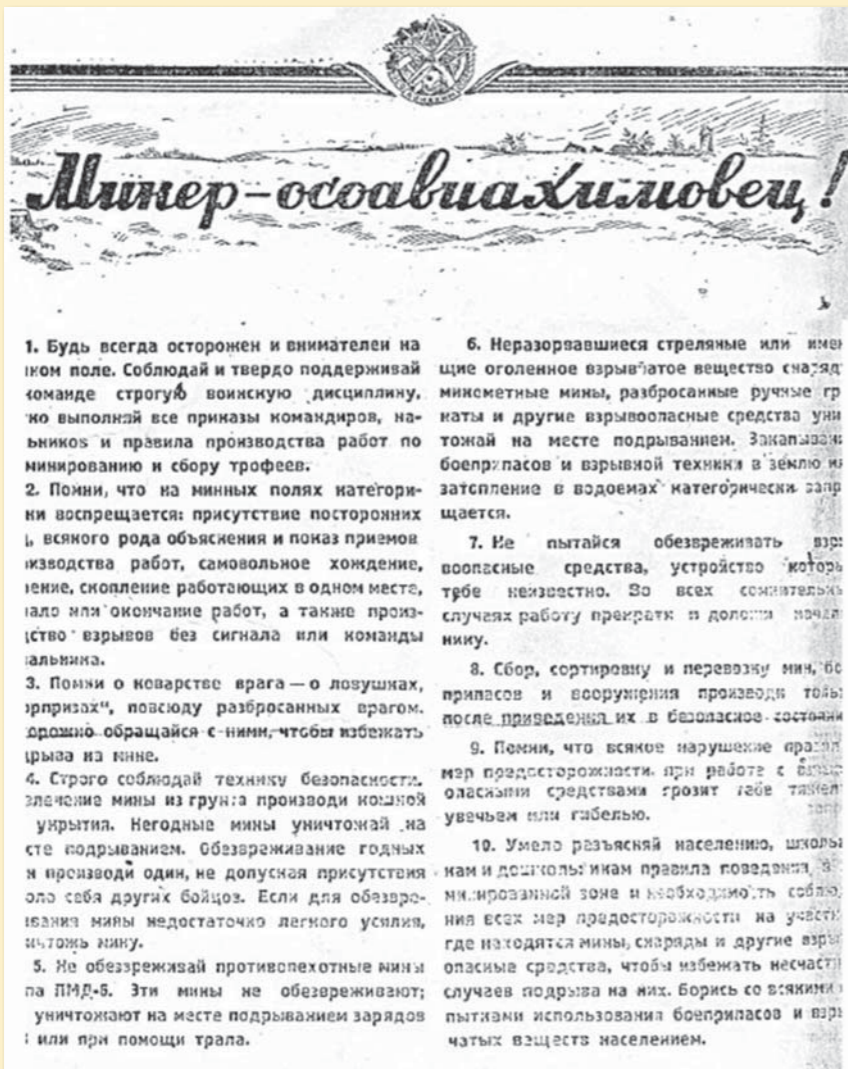
Изда, в которой жили Полина с сыном и у завалинки которой ждал Петрович, стояла на окраине села. Позади неспешно начинался лес, слева пугал сажей выгоревший в период оккупации сруб, жилье напротив также было заброшено. Финнов, союзников немцев, прогнали лишь в июне, их войска стояли в километре от деревни, и, отступая, они оставили преследующей армии и выжившим гражданским тонны погребенной взрывчатки.

Петровича до революции звали Макаром, он числился деревенским старостой и сочувствовал белогвардейцам. Но большевистская пуля да по следовавшие за ней тиф и потеря родных превратили его в старика, смирившегося со своей судьбой. Не в силах что-то поменять, он стал фаталистом по убеждению и мастером на все руки по определению.

Вот и сейчас Петрович опирался на поросшую мхом хату, смолит папироску, протирал пыль на потускневшем двойном стекле, то и дело терял мятый конверт со звездой Красной Армии и не верил, не видел способа помочь Полине.

Бывший староста увидел за забором женский профиль в

косынке, а после и Полину целиком. В обеих руках ее были наполненные ведра. Еще одно, пыхтя и оставляя мокрый след, тащил Тимофей.

Полина, издали заметив с детства знакомый ватник, вспомнила майский вечер, когда впервые прошел слух о скором отступлении финнов, и полдеревни до зари купалось да танцевало прямо на берегу. А ей, в ночных сумерках у той же завалянки, еще мокрой и впервые за последние годы поверившей в возможность счастья, Петрович вручил похоронку на мужа.

Кивком поприветствовав потупившего глаза старика, Полина прошла сквозь сени на кухню, поставила ведра,

сама опустилась на скамью и в упор усталилась на вошедшего следом Петровича. Тот протянул письмо, выдохнул, сел, и табуретка закричала под его весом.

— Что? Разминировать мины? — с фальшивым спокойствием заговорила Полина. Не с Петровичем, не с Тимофеем, притаившимся в сенях, а сама с собой, с жизнью, с Богом. — У меня Тимка!.. — в голосе Полины прорезались истерические нотки.

А Тимофей разволновался:

— И я! Я тоже хочу разминировать!

— Молчи!

Тимофей хотел было огрызнуться, но тут заметил на дужке ведра кровь. Кровь матери, которая только что вытащила его с минного поля.

— А если со мной что случится? Тимофея кто растить будет? — вскопала Полина.

Петрович не ответил ей, да и в его ответе не было нужды.

— Ты прости меня, Петрович, — Полина постояла с минуту, оглядела своих. — Знаю я, что больше некому. Некому, да.

Старик поднялся, восхитился про себя самообладанием Полины, кивнул на прощание и вышел. В его котомке было еще с дюжину писем.

* * *

Маруся впервые собиралась уезжать из дома. Она не знала, что в таких случаях принято брать с собой. Конечно, в мечтах она делала это много раз: закрыла чемодан, села в поезд, приезжала в Москву, шла по большому городу,

даже выступала на сцене. В мечтах все было просто, а в жизни сложнее. Положив сверху вещей карандаш и тетрадь, Маруся затянула мешок, поправила комсомольский значок на блузе и взяла гитару. Брать или не брать?

В комнату зашла тетя Нюра. По ее красным опухшим глазам Маруся безошибочно определила — проплакала всю ночь.

Тетка протянула Марусе маленький сверток, завернутый в носовой платок.

— Что это?

— От родителей осталось... Возьми.

Маруся присела на кровать. Родителей она почти не помнила. Остались лишь отрывочные воспоминания: песни мамы, которые она пела на ночь, какой-то сладковатый приятный запах от отца, люди... почему-то много людей. Тетя Нюра никогда ничего не рассказывала о родителях, отвечала всегда односложно: «Умерли, и я тебя забрала к себе в город». Родственников у них не было, поэтому все попытки что-то узнать ничем не заканчивались. И вдруг тетка сама принесла нечто от родителей.

Маруся держала в руках сверток, боясь развернуть. В носовом платке оказалась небольшая деревянная дощечка с изображением старца в церковных одеждах. Край иконы чернел подпалиной, будто траурная лента на фотографии.

Тетка перекрестилась. Маруся с ужасом посмотрела на нее.

— Что ты делаешь?

— Перекрестилась, — как-то по-будничному ответила тетка. Всю ночь она собиралась с мыслями, как рассказать племяннице, что ее родители — отец-священник и мать-матушка, были расстреляны за то, что не разрешили в храме устроить конюшню. Перед смертью церковь подожгли, но батюшка с матушкой смогли огонь потушить, сгорела только часть жертвенника и пострадала утварь, находящаяся рядом. Семью священника хотели запугать, но батюшка храм не покинул, а только ночью отправил в город дочку с крестильной иконой, к своей двоюродной бездетной сестре. Хотел и матушку отправить, но она отказалась.

После расстрела семьи священника все имущество храма вывезли в неизвестном направлении, а сам храм стал постепенно ветшать и разрушаться.

Нюра первое время ждала, что придут за девочкой. Даже хранила под кроватью собранный на всякий случай вещмешок. Но никто не приходил, девочка росла. Нюра привязалась к ней всей душой, но выправить документы и удочерить так и не решилась. Зато она приложила все силы, чтобы скрыть от Маруси прошлое, никогда не водила ее в церковь и даже разрешила девочке вступить в комсомол. Но когда вчера пришла повестка, она поняла, что от судьбы не уйдешь. Марусю призывали в ту самую деревню, где она родилась и провела первые два года жизни, где остался разрушенный храм и могилы ее родителей.

Нюра достала из-под матраца чудом сохранившуюся во время их многочисленных переездов икону Святого Николая Чудотворца. Теперь, когда Маруся держала в руках эту икону, все правильные и нужные слова мигом вылетели из тетушкиной головы. Она просто обняла девушку и заплакала...

* * *

На следующий день вся деревня собралась на поляне у разрушенной церкви. С другой стороны поляны стоял дощатый сарай, с обеих сторон подкрепленный упорами. К сараю Петрович вынес длинный стол и скамью, поставил граммофон, нацепил на жилет значок председателя и вернулся в ожидающую армейцев толпу.

Население деревни за годы войны сократилось в четыре раза. Оставшиеся, в основном женщины, дети и старики, перешептывались. Одни мечтали, как заколосится пшеница на освобожденных от мин полях. Другие переживали за молодых деревенских девушек, но, не зная способа выразить мысли, лишь промолчали несчастья.

Шепот сошел на нет вместе с урчанием выхлопной трубы и гудком клаксона, навстречу полуторке побежали дети. Петрович включил граммофон с единственной уцелевшей в деревне пластинкой — вальсом Чайковского, — и замал руками водителю, показывая место для стоянки.

На кабине, лицом в сторону сидящих в кузове барышень, примостился юноша лет восемнадцати, в военной форме с погонами лейтенанта.

«Цветков, лейтенант Цветков», — представился Петровичу парнишка и занялся разгрузкой грузовика: открыл борт и распахнул руки навстречу баулам, чемоданам, мешкам, и, конечно, их прелестным очаровательным хозяйкам. Он уже знал каждую по имени, шутил да прибаутничал, не замечая неодобрительных взглядов старших офицеров — майора и капитана, с наслаждением выбравшихся из тесной кабины и о чем-то спорящих.

Мелодия кончилась, майор снял пластинку, грузно опустился на скамью и передал капитану бумаги. Последний, дождавшись, пока лейтенант превратит облако приезжих девчат в стройную армейскую шеренгу, выкрикнул: «Митина» — и внимательно посмотрел на деревенских.

Митина Вера была совсем юной, однако успела уже многое пережить. Отца забрали на фронт, через год получили похоронку. Мать в период оккупации убили финны. Так, потеряв родителей, Вера осталась одна с бабушкой, взяла на себя все работы в поле и доме, не разрешая никому сочувствовать и помогать. К капитану Вера шла медленно, в наглухо застегнутых платье и пиджаке, по дороге успокаивая единственную родственницу. Старуха, потерявшая дочь, не хотела отпускать внучку.

— Бабуль, тихо ты, — шептала ей Вера, глядя по спине. — Ты, что ли, разминировать пойдешь? У тебя глаза уже не видят!

— Хоть бы я, Вера, хоть бы я!.. — горестно всхлипывала старушка.

Изучив пару секунд Верины документы, капитан передал их майору, скомандовал «В строй!» и громко назвал следующую фамилию: «Иванова».

— Вот документы, — Полина протянула капитану бумаги.

Маруся после вчерашнего разговора с теткой не спала всю ночь. Еще в детстве она придумала историю о том, что ее родители — разведчики и они погибли, выполняя сложное задание, поэтому тетка ничего не рассказывает. Ведь это государственная тайна! А теперь, когда ее отец оказался священником, а мама — матушкой, Маруся не могла понять, как к этому относиться. И тетка, читающая газету «Правда», вдруг неистово перекрестилась на опаленную иконку. А потом и вообще расцеловала этот деревянный портрет. От этого всего у Маруси кружилась голова.

Услышав свою фамилию, она осторожно поставила гитару возле вещмешка и пошла с документами к капитану.

— Актриса?

— Знаменитая актриса, — резко ответила Маруся и вернулась в строй.

Она старалась не смотреть в сторону церкви, будучи в полной уверенности, что тетка что-то перепутала. Она не могла здесь жить. Это все чужое, не ее, не родное. Родители — разведчики куда приятнее, чем родители — священнослужители.

В общей сложности в отряд были призваны двадцать две девушки, десять местных, да дюжина городских. Обещали в самое ближайшее время привезти пополнение. Ни гимнастеров, ни штанов для будущих саперов предусмотрено не было. Майор, вышедший было говорить речь, поздоровался, представился сам — «майор Дорофеев», назвал фамилию капитана — Смирнов, и продолжил хорошо поставленным голосом: — Как говорится, мало победу ждать — нужно победу взять. Перед нами поставлена трудная, но необходимая для Родины задача — очистить поля от мин.

Дорофеев осмотрел строй, стараясь определить, кто будет лидером в этом женском отряде. Остановил взгляд на Полине и дальше говорил больше ей, чем всем остальным.

— За 70 часов вам предстоит изучить основы саперного дела. Занятия начинаем завтра. Всем прибыть в расположение к 9 утра. Призванные из города и других сел будут размещены по избам местных жителей. А сейчас разойтись!

* * *

Марусю, изящную брюнетку с заботливо уложенными кудрями, выбрал Тимофей и самолично, смущаясь и краснея, пригласил на постой в мамкину избу.

Утром Полина и Маруся пришли в расположение и не узнали поляну: подходы к церкви были расчищены. А рядом с ней стоял за ночь сбитый барак. Деревянное строение вплотную примыкало к стене храма и издали казалось, что словно два

Девушки-саперы при разминировании территории Вытегорского и Оштинского районов Вологодской области, 1944 г. Кадр из к/ф «Выпускной на минном поле».

товарища облокотились друг на друга. В окнах барака виднелись лавки и стол, столы и плакаты. К постройке на скорую руку сколотили навес, и в образовавшуюся веранду постепенно подтягивались девушки, боязливо посматривая на Цветкова.

Маруся, до сих пор пребывающая под впечатлением рассказа тетки, решила сначала зайти в церковь. Она осторожно переступила порог разрушенного храма. На удивление мусора в помещении не было, но холодные полуразрушенные кирпичные стены и потрескавшийся пол укоризненно встретили девушку. Не испытав никаких чувств к этим развалинам, Маруся окончательно решила, что тетка точно все выдумала. Так было легче. Настроение улучшилось. Тем более что в этот момент в храм зашел Цветков. Они встретились с Марусей взглядами, лейтенант широко улыбнулся и подмигнул новоприбывшей:

— Не туда, боец Городецкая, зашли.

— Я уже догадалась, — улыбнулась в ответ Маруся и прошла мимо Цветкова в барак, слегка зацепившись за порог.

— Осторожно, барышня! — подхватил Марусю Цветков.

Они зашли в барак, где вдоль стены висели плакаты с видами мин и схемы разминирования, а между ними портрет Сталина, словно сам вождь собирался проводить занятия в этом классе.

Через несколько минут все расселись за длинный, грубо сколоченный стол. Обучение вели по очереди. Первый, самый утренний час, майор Дорофеев читал вслух вырезки из «Комсомольской правды» вперемешку с постановлениями ГКО и обращениями партии. Подобные чтения он называл уроками политобразования. Капитан Смирнов руководил последующими часами, разжевывая истины саперного дела заученными на зубок словами. По ночам Смирнов перечитывал уставы и инструкции, и с каждым утром его лекции становились все более казенными, а глаза — красными.

— Выносливость и силовая подготовка саперу необходимы для работы с тяжелыми боеприпасами, которые необходимо вынести с поля... — Смирнов запнулся, поняв, что он говорит это худосочным девчонкам, ничего не ображающим в том, о чем ведет речь капитан. Тем не менее, он продолжил. — За силовую подготовку, при нашей нехватке времени, боец отвечает сам.

Смирнов взял в руки мину. Осторожно, словно она настоящая. Вместе с миной прошелся вдоль ряда испуганных девичьих глаз. Остановился возле Маруси и, смотря ей прямо в глаза, продолжал:

— Умение отличить одну мину от другой и знание устройства каждой из них, способность найти выход из любой сложившейся при разминировании ситуации — этому мы будем учиться на наших занятиях...

Капитан чувствовал ответственность за вверенные ему жизни, судьбы девчонок, а приказ уместить подготовку в десять дней казался ему кощунством. «Семьдесят часов! Чему я научу их за семьдесят часов?! В самые тяжелые периоды войны обучение саперного отряда длилось минимум три месяца. И то были парни, зачастую служившие в других частях и имеющие военный опыт... А здесь? Совсем девчонки... Кто из музыкальной школы пришел, кто из техникума, кто вообще за 15 лет с трудом писать выучился. Эх...» — делился он мыслями с Петровичем, зашедшему забрать капитанский китель в стирку.

— Есть правда в ваших словах, товарищ капитан, есть, — ответил Петрович.

— Но баб наших вы не знаете, а я знаю. Они, ихма, быть может и не образованны по-городскому, но есть в них дух, характер, воля. Они и в горящую избу войдут, и поля от мин очистят, и дырочку, вот, в вашей шинели зашьют. На бабах этих все село три года держится.

И на удивление они неплохо учились. Не все, конечно. Но самая старшая из них, Полина, уже на третий день четко отвечала капитану:

— Корпус мины может быть самой различной формы: круглый, четырехугольный или какой-либо другой. Чаще всего встречаются корпуса, состоящие из металла или дерева. Но иногда встречаются мины с корпусами, изготовленными из бетона или из прессованной бумаги. При разминировании могут встретиться противотанковые мины, противопехотные, мины замедленного действия, а также мины-сюрпризы.

Капитан хвалил Полину и продолжал для всего класса:

— Мины лучше всего искать щупом, — Смирнов взял стоящий в углу щуп и положил на стол перед ученицами. — Щуп представляет собой 2-3-х метровый шест с прикрепленным к нему железным наконечником длиной 30-35 сантиметров. При работе со щупом нужно держать его наклонно и двумя руками. Затем наконечник щупа плавно, очень плавно нужно втыкать в землю в полтора метра впереди себя. Втыкать надо через каждые 8-10 сантиметров, на глубину около 15-20 сантиметров.

— А линейку вы тоже нам дадите? — наивно спросила одна из учениц по фамилии Комарова.

В классе раздался смех. Смирнов продолжал в том же серьезном и назидательном тоне.

— ...Немцы часто используют противопехотную, шрапнельную, так называемую прыгающую мину. Корпус мины металлический, — Смирнов взял в руки мину, — имеет форму стакана, высота около 14 сантиметров, в диаметре около 10 сантиметров. После срабатывания взрывателя огонь попадает на вышибной заряд, расположенный внизу мины, который выбрасывает ее из земли. На высоте полтора метров от земли мина взрывается. К взрывателю натяжного действия привязывается тонкая проволока или шпагат, а другая сторона тонкой проволоки или шпагата прикрепляется к вбитому в землю колышку, какому-либо другому предмету или растению.

Смирнов взял проволоку, одним концом прицепил ее к мине, другой протянул Полине.

— Вы, Иванова, например, куст.

Полина взяла проволоку в руки и улыбнулась. Какой же она куст? Куст сломать можно, а ее нет.

Кадр из к/ф «Рябиновый вальс».

ОСНОВНЫЕ ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИНОИСКАТЕЛЕЙ:

ВМ-625-В2 обр. 1942 г.
 длина миноискателя, мм - 1400
 ширина захвата, м - 1.7
 ширина зоны поиска мин, м - 0.3
 глубина обнаружения противотанковых мин, см:
 типа ТМД-44 - до 8 - 10, типа ТМ-46 - до 35

УМИВ-1
 длина миноискателя, собранного для работы лежа, мм - 400
 ширина захвата, м - 1 - 1,2
 ширина зоны поиска мин, м - 0,25
 глубина обнаружения противотанковых мин, см:
 типа ТМД-44 - до 15, типа ТМ-46 - до 35

УМИВ-1

— Нужно иметь в виду, что шрапнельная мина срабатывает через 4-5 секунд после того, как человек наступает на проволоку или на взрыватель нажимного действия. Случайно попав на шрапнельную мину нужно немедленно... — тут Смирнов столкнулся взглядом с «кустом», то есть с Полиной, запнулся, но тут же продолжил, — ...и услышав характерный звук... нужно немедленно лечь на землю головой в сторону от звука. СТОИ!

Все девушки в классе тут же рухнули под столы. Осталась стоять только Полина.

— А вы, Иванова, труп!

— Я не труп, я куст.

И снова в классе раздался хохот.

— Хватит! — с раздражением отрезал Смирнов. — Еще раз повторяю, команда для сапера «СТОИ» означает немедленно лечь на землю и закрыть голову руками. Понятно? Понятно?!

* * *

Противовесом серьезности капитана был лейтенант Цветков, чьи на первый взгляд легкомысленные выходки (то минами начнет жонглировать, то по импровизированному плацу на руках пройдет) успокаивали девушек и расслабляли. В отличие от речи Смирнова, просившейся в учебник, Цветков неожиданно эффективно сочетал образование и юмор — «...к работам по обезвреживанию опасных предметов могут быть допущены лишь достаточно подготовленные лица, изучившие устройство мин, технику безопасности, желательны симпатичные, кареглазые, черноволосые и кудрявые». Эта фраза разрядила напряженную обстановку, когда отряд впервые пробовал обезвредить учебные мины и разом потерпел неудачу. А относилась она к Марусе.

Своими аристократичными манерами Маруся пленила не только лейтенанта, но и Тимофея, тот бежал за ней хвостом, вытребовал обещание научить играть на гитаре и всю хвастался соседским пацанам своим знакомством с утонченной городской девушкой. И когда во второй вечер Марусино пребывания у Полины в окно постучался Цветков и неожиданно спокойно и вежливо попросил «Марь Ивановну на секундочку», Тимофея успокоил лишь подаренный Марусей двухконечный сине-красный карандаш. Такой канцелярии в деревне не

водилось, и пока за окном Маруся улыбалась полевому букету и нерасторопно удалялась с кавалером в закат, мальчик с небывалым усердием рисовал мечту на вытребованном у матери листке бумаги.

В тот вечер Цветков повел Марусю к берегу реки, оттуда они поднялись на высокий холм. До заката оставалось чуть больше часа, и все это время они провели, любясь белыми барашками на голубом поле неба.

— А это... цапля.

— Ну, какая же это цапля, это карандаш.

— Не карандаш, а нога великана.

Цветков сощурился, затем перевел взгляд на Марусю, нежно стряхнул с ее шеи заблудившегося жучка и неожиданно спросил:

— Хотите, я вам погадаю?

— На чем?

— На облаках и погадаю. Вон ваше облако. — Цветков взял руку Маруси и в воздухе сделал полукруг. — Это большой белый...

— ... бегемот! — засмеялась Маруся.

— Это рояль, — ничуть не обиделся Цветков, морща лоб и всерьез задумываясь над символами на небе.

— Ну, какой же это рояль? — спросила Маруся, дотронувшись до складки на лбу. — А у вас морщина здесь...

Они оба уже не смотрели на небо. Смущаясь прямого взгляда Цветкова, Маруся потупила глаза.

— У вас, наверное, глазки уже устали, Марь Ивановна. А вы их закройте на секундочку, а когда откроете, то поймете, что это рояль. А это значит... это значит, вы будете самой известной актрисой.

* * *

Полине не спалось. Она смотрела на полную луну, беззастенчиво заглядывающую в окно. Вспомнила, как Петрович жаловался на бессонницу в новолуние. Усмехнулась своим мыслям: «Старею, что ли...», но тут же услышала, как в дом, сняв у порога туфельки, босиком шлепает Маруся.

— Ты чего босая? — окликнула ее Полина.

— Чтобы Тимофея не разбудить, — зашептала Маруся и села на кровать рядом с подружкой. Полина тоже присела.

— Ну, как он?

— Такой добрый. И нежный, — мечтательно протянула Маруся, на цыпочках заходя в комнату. — Цветы подарил. Шутит. На облаках мне гадал. Не то что Смирнов, тот кричит и кричит.

— Правильно кричит. Ты сегодня одна со взрывателем не справилась.

— Не могу я это усвоить, Полин, не могу. Мне никогда подобные вещи не давались. Не мое это. А Сеня, ну Цветков, он верит, что я стану известной, буду артисткой, представляешь?

Девушки замолчали, Маруся уткнулась лицом в букет, а Полина ясно, как днем, видела белеющий конверт в серванте, жуткий майский гостинец, в одно мгновение сделавший ее вдовой.

Полина влюбилась в Егора еще в детстве, тот был старше на три года, числился первым парнем на деревне — высокий, статный, днем в колхозе на тракторе смену отработает, ночью с друзьями на машине по окрестностям гоняет; «сорвиголова, одним словом» — рассказывал Петрович погруженной в мечты Полине. Она каждую неделю наряжалась в клуб, в тайной надежде на танец, и одно воскресенье исполнило то желание.

— Счастье окружало меня. Я чувствовала его, когда выходила, уже женой, из

сельсовета. Когда он, круглый сирота, переехал ко мне. Заживем, ух заживем, думала! — Полина не заметила, как заговорила вслух.

— А потом? — спросила Маруся.

— Потом? Потом Тимка родился. Ссориться стали, ругаться. По ребенку ругались, из-за трудодней орали.

Маруся улыбнулась в темноте.

Полина задумалась, а потом продолжила:

— Сейчас думаю, глупости. А тогда... Жили, как все живут. После призвали. Ушел. Письма стал ласковые писать, нежные. И не думала, что такие слова знает. А потом, в мае... похоронка пришла.

— И как ты держишься?

— Да так. Все думаю, лучше б бил, только б живой вернулся.

* * *

Предмет девичьего разговора, лейтенант Цветков, расквартированный в соседней комнате от Смирнова, тоже не спал, вспоминая вечер. Как тщательно он обегал все свободные от мин поля, выбирая цветы, как удачно пошутил, как искренне она смеялась... Как не-по-земному прелестно она сияла в венке из цветов... Вздурораженный лейтенант не мог заснуть, крутился, вставал открывать и закрывать форточку, наливать воды, тем самым раздражая капитана, в очередной раз перечитывающего руководства.

Отношения городской девушки и лейтенанта быстро стали предметом постоянных сплетен и пересудов среди отряда. В перерывах между срисовыванием мин в тетради да тренировками со щупом девчата нет-нет, да и обсудят по-доброму, как на Марусю смотрит Цветков, как Цветкову улыбается Маруся. Влюбленные гуляли каждый вечер, и каждое утро их улыбки все ширились, а на воскресных танцах они плясали без усталости. И каждый день лейтенант придумывал милые и забавные сюрпризы. В последний день обучения сюрпризом были одуванчики.

Капитан Смирнов начал лекцию суровым и назидательным тоном, не допускающим никаких шалостей.

— Вы уже знаете, что завтра у вас экзамен. И сегодня мы вернемся к самому важному — к взрывателям. Я держу в руке взрыватель М5, срабатывающий при нажатии на колпачок.

Смирнов уже практически нажал на колпак учебного взрывателя (представляющего собой металлический цилиндр золотистого цвета четырех сантиметров в длину да пол в диаметре), как в оконный проем барака, подле которого сидела Маруся, начали залетать маленькие парашюты, плоды тех самых одуванчиков. Их пускал Цветков, притаившийся за окном, изо всех сил напрягающий легкие ради улыбки любимой. Его цель удалась стократно, Маруся засмеялась, а вместе с ней — и весь класс. И уже не было завтра экзамена, а за ним и первого рабочего дня. Лишь семечки одуванчиков, летающие по комнате и преломляющие солнечные лучи.

— Тишина! — крикнул Смирнов, подойдя к окну. Там он увидел виноватое, но довольное лицо лейтенанта Цветкова, который одной рукой повис на подоконнике, а в другой держал букет одуванчиков.

— Лейтенант Цветков, вам второе официальное предупреждение — за сорванные занятия. И за ним незамедлительно последует следующее, уже последнее, если вы сейчас же не слезете с подоконника.

— Все-все, я удаляюсь... Только... — Цветков исчез.

Не успел Смирнов вернуться на свое место, как в класс зашел Цветков и протянул Марусе букет одуванчиков.

— Вот, позвольте вручить...

Девушки снова рассмеялись. Смирнов, понимая, что урок практически сорван, протянул лейтенанту взрыватель.

— Пожалуйста, продолжайте урок.

С этими словами Смирнов отошел к стене с плакатами, оттуда он видел только спину Цветкова, но зато все глаза завтрашних саперов.

— Итак, кто сможет рассказать о взрывателях? — лейтенант с энтузиазмом приступил к занятию.

— Я! — выкрикнула Вера Митина.

— И я! — подняла руку Синица, темпераментная девчушка из соседней деревни.

— Комарова! — выбрал лейтенант соседку Синицы.

— Взрыватель содержит в себе небольшой заряд и служит детонатором основного заряда мины. Сам по себе взрыватель причинить особого вреда не может, но при контакте с миной может произойти взрыв. Обращаться с взрывателем нужно осторожно, так как при выдергивании чеки или нажатии на колпачок взрыватель может взорваться. Выключенные взрыватели с поля нужно уносить в специальных коробках или корзинах, ни в коем случае нельзя класть взрыватель в карман одежды... — благодаря шепоту соседок и лежащей на столе тетради ответила Комарова.

— Почему нельзя?

— Забыла... Простите.

— Садитесь, Комарова, в целом правильно — лейтенант ободрил девушку улыбкой.

... В этот день лейтенант Цветков погиб, подорвавшись на mine.

* * *

Теплой августовской ночью в хате спал лишь Тимофей. Полина и Маруся ночевали на сеновале. Не спали, но и не разговаривали. Любое слово казалось фальшью. Каждый раз, как Маруся смыкала веки, Цветков оживал в ее сознании — затем, чтобы снова умереть.

Село, пережившее оккупацию и поверившее в спокойную жизнь, вновь столкнулось со смертью, со смертью уже случившейся, со смертью, грядущей, со смертью, ежедневно грозящей прийти к каждому.

Маруся опять вспомнила родителей. И ей показалось, что они ее утешают, какими-то невидимыми движениями гладят, как в детстве, по голове, касаются рук. И она вдруг отчетливо вспомнила, как отец брызгал в нее водой. А может это была не просто вода, может, и правда он был священником и кропил ее святой водой, а она запомнила?..

* * *

Утреннее построение отряда было пугающе тихим, девчат выдавали покрасневшие глаза. На экзамен вызывали по одному, уводили за церковь, и назад будущие саперы уже не возвращались. Паника усиливалась. У Маруси начался тремор, и Полина не могла успокоить соседку, с ужасом представляя процесс разминирования дрожащими руками.

«Иванова», — подошла очередь Полины. Она встала и пошла за капитаном. Обходя церковь, Смирнов тихо обронил через плечо: «Полина, Вы отличная курсантка. Не нервничайте, и все получится». Через три минуты вышли к пустьрю. На его краю, за столом, принесенным из расположения, сидел майор, а в центре была огороженная флажками пятиметровая полоска перекопанного грунта. Полина поняла суть задания моментально. Поняла и вскрикнула. Мины? Настоящие мины? На следующий день после...?

— Иванова, ваша задача обезвредить все мины на данном участке, — ответил на невысказанные вопросы майор. — Приступайте!

Полина осторожно взяла в руки щуп — двухметровую жердь с острым стальным наконечником. Стоя у края экзаменационной полосы, Полина одеревенела, не будучи в силах пошевелиться и желая убежать. А потом вспомнила учебную комнату и четкий уверенный голос Смирнова: «...наконечник щупа плавно, очень плавно нужно втыкать в землю в полтора метра впереди себя...». Заученная фраза подбодрила, и Полина сделала первый шаг.

Через полторы минуты щуп на что-то наткнулся. Те недолгие секунды поиска показали Полине вечностью, и, руководствуясь зазубренными правилами, она опустилась на землю, пометила предполагаемую мину красным флажком и начала постепенно снимать слой земли. «Да, действительно, мина, — безэмоционально констатировало сознание, — противотанковая».

— Что будете делать, Иванова? — вывел Полину из ступора капитан. — Проговаривайте свои действия.

— Поворачиваю, извлекаю основной взрыватель. Проверяю на наличие бокового и донного взрывателя. Не обнаруживаю. Вытаскиваю мину. Иду дальше, — Полина послушно комментировала каждое движение.

Каждый раз, вводя наконечник щупа в землю, Полина ожидала, по меньшей мере, взрыва, и каждый раз, вытаскивая его, она благодарила Бога, что жива. Тусклый, еле слышимый звук удара металла об металл, легкая дрожь щупа. Полина обнаружила очередную мину:

— Раскапываю дерн. Противопехотная. Вы о ней нам рассказывали: прыгающая, шрапнельная. В которой заряд ее вверх подбрасывает...

— Стой! — Резкий крик Смирнова прервал речь Полины, инстинкты которой молниеносно выполнили приказ и бросили ее лицом в землю, ногами к мине.

— Ложная тревога — размеренно успокоил Смирнов — продолжайте.

Вставая и выплевывая попавший в зубы грунт, Полина было разозлилась, но потом вспомнила, как была «кустом» и не среагировала на команду «стой». Это была проверка. Полина простила капитана и продолжила. Она легко и изящно обезвредила противопехотную мину, вставив гвоздик в ударник взрывателя, и быстро дошла до конца полосы, не встретив более препятствий.

— Поздравляю, Иванова. Отлично, — подвел итоги майор. — С теми, кто не проходил экзамен, общаться запрещается. Завтра с утра на построение. Первый рабочий день. Отдохни. Свободна.

Обезвреживание противотанковой мины. Кадр из к/ф «Рябиновый вальс».

— Молодец, Полина, — искренне поздравил Смирнов, радуясь за девушку. Радость Полина прочла в глазах капитана, в его вечно серьезных скулах, неожиданно исполнивших улыбку, и, покидая пустырь, почувствовала душой непонятную смуту.

* * *

В лицо бил сильный ветер, и комары с мошкой, теряясь и паникуя, приземлялись на сосредоточенные лбы девчат, залетали в глаза и ноздри, барахтались, кусались. Отряд, разделенный на два взвода, выстроился у края поля в ожидании приказа командира.

Молодые красавицы перестали быть женщинами и стали солдатами. В окружении смертоносных зарядов, с щупами и флажками в руках, с втулками и гвоздиками на поясе, словно стрелок перед первым выстрелом или хирург, ждущий первого пациента, юные саперы безжалостно боролись с собой. Любовь, любовь к родине, долг отчизне, желание победы, жажда сделать вклад — гнали их вперед. Под родиной каждая понимала свое. Полина же шла за семью: за себя, уставшую от ожидания, за сына, играющего мячом на минном поле, за погибшего мужа.

С любовью и долгом соперничал страх. Боялись мин, боялись погибнуть, боялись потерять ставших близкими подруг. Боялись не дожидаться победы.

Так и стоял отряд, любил да боялся. А рядом с ним боялся капитан, боялся за каждую из девушек и все откладывал начало. И когда ждать более не осталось сил, он отдал приказ:

— Отряд, слушай мою команду. К разминированию приступить. Работать в парах. Расстояние между парами не менее пяти метров. Не спешить. Не торопиться. Ваша работа — ювелирная. Медленно, тщательно. Семь раз отмерь, один отрежь. В случае обнаружения незнакомых снарядов, не трогать их! Ни в коем случае не трогать, а сразу же сообщить мне! Действуйте!

Полина работала в паре с Верой Митиной. Первой шла Полина, аккуратно раздвигая траву и нащупывая мины, затем возле каждой обнаруженной смертоносной находки ставила флажок и двигалась дальше. Следом шла Вера, она обезвреживала и выносила мины. Через час девушки поменялись. Теперь Вера прокладывала путь, помечая мины. Около очередного флажка Полина опустилась на корточки и начала копать дерн. Вторая мина была глубоко. Руки никак не могли нащупать железо. И вдруг вместо металла Полина почувствовала деревянный ящик. Она осторожно сняла с него землю и открыла. Мина. Круглая, диаметром в сорок сантиметров, ржавая, смертельно опасная, противотанковая.

«Повернуть чеку. Нет, чеки здесь нет. Взрыватель... — мысли Полины путались — точно, взрыватель. Как на экзамене. Так же? Нет, по-другому. Соberись». Она извлекла взрыватель, вздохнула. Дальше легче, теперь надо вытащить саму мину. И вдруг она услышала странный скрежет, мина не поддалась. Полина замерла, мышцы застыли в нечеловеческом напряжении, все чувства обострены и оголены. Мир вокруг исчезает, они остаются наедине, растерявшаяся девушка-сапер и четыре килограмма ни перед чем не останавливающейся взрывчатки.

Смирнов издали увидел замершую Иванову. Осторожно подошел к девушке, чтобы склонить чашу весов в пользу жизни.

— Все в порядке?

— Я не знаю, — быстрый перепуганный голос Полины выдал ее, — я не помню, я все забыла...

— Спокойно! — Смирнов перебил девушку, присел рядом и не дал панике взять вверх. — Вспоминайте, что нужно делать после вывинчивания основного взрывателя?

— Убедиться в отсутствии ловушки, донного или дополнительного бокового взрывателя, — дрожащим голосом отвечала Полина заученные на зубок слова.

— Правильно.

Полина нашла боковой взрыватель, проволокой привязанный к ящику. Смирнов помог, поддержал провод натянутым, пока Полина извлекала еще один взрыватель. Мина обезврежена. Полина облегченно выпрямилась, обнаружив, что вспотела. На ее руках появились новые комариные укусы, но она даже не почувствовала, когда это произошло.

Смирнов ждал, пока Полина успокоится. А она, оглядевшись вокруг, вдруг заметила на рукаве сидящего рядом капитана латку. Это была заплатка из белой ткани с ландышами, из которой сшито платье Полины. Смирнов перехватил взгляд девушки, опустил глаза — на заплатку, затем, глянув на Полинину наряд, все понял и засмеялся. А та, впервые услышав его смех, засмеялась в ответ. Так они и сидели на поле рядом с миной и смеялись. На какое-то мгновение их было всего трое: Полина, Смирнов и маленькая общая победа.

— А как вас зовут, товарищ капитан? — неожиданно для себя спросила Полина.

— Алексей, — представился Смирнов, улыбнулся на прощание и пошел к следующему растерявшемуся саперу.

* * *

Первый день на поле остался в памяти Полины множеством деталей. Громкий крик Синицы, наполненный радостью и восторгом, когда та обезвредила свою первую мину. Синица, которая в быту откликалась на Дашу, миниатюрная и решительная девчушка, подняла пятикилограммовую мину и танцевала с ней. Орала и плясала, выпуская накопившееся напряжение.

Осипенко Клава, на второй день учебы за чрезмерное усердие получившая прозвище Штык, и на поле проявила себя соответственно. Ее взвод, несгибаемым лидером-примером которого являлась сама Клава, обезвредил на девять мин больше, чем взвод Полины.

Митина Вера, перед каждой миной целующая медальон: «Тут фотография матери была. А бабушка еще и молитву написала, в него спрятала. Говорит, оберегать будет».

Комарова Лидия, не упускающая лишний раз возможности спросить у Смирнова совета. Она, обладая телом и формами, умудрялась одновременно выкручивать взрыватель, строить глазки, риторически вопрошать: «Я правильно делаю, товарищ капитан?» и сетовать на нелегкую женскую судьбу, мол, вместо рождения и воспитания потомства приходится, вот, поле от снарядов фашистских освобождать.

Когда возвращались с поля с полными подолами картошки, набранной в нарушение устава на освобожденном участке, мимо проехала черная волга, на несколько секунд притянув взгляды и вызвав недоброе предчувствие.

* * *

Прощупывая чернозем, извлекая мины, таская тяжелые ящики с ними, — долгие рабочие часы Полина мыслями была с Марусей, с которой сильно сблизилась и о которой искренне переживала. Ночью ее подруга просыпалась каждые полчаса в холодном поту, с криком обнаруживая сидящую рядом Полину, баюкающую и успокаивающую ее, будто дитя. Маруся не сдала экзамен, ее не допустили к работам на поле и на три дня приписали к Петровичу, помогать по хозяйственной части. Полина надеялась, что простой физический труд, безопасный для жизни — стирка и полоскание белья, ведение учета обезвреженными минами, уход за кобылой, что из-за хромой ноги не сгодилась ни в одну из армий и исправно служила селу, — поможет Марусе отвлечься.

Петрович весь день занимался подготовкой похорон: Цветков был родом из Витебска, в первые месяцы войны потерял семью и живых родственников не имел, и майор решил хоронить лейтенанта на местном кладбище. В итоге Ма-

русь отправили сторожить пайки и мины, в результате чего та весь день провела в одиночестве, маясь воспоминаниями.

Прощание было назначено на вечер, и отряд успел разойтись по хатам, переодеться и вернуться в расположение. Наспех сколоченный гроб был великоват. В военные годы домовины были роскошью, но ради Цветкова разобрали заброшенное сельпо.

— Я так боялась, как сюда ехала. А он, помните, когда помогал слезать, ну, с грузовика, сказал, мол, сестрой будешь. А у меня брат на фронте. Был.

— А как он жонглировал ловко! Помните, минами в классе вперемешку с яблоками. Я еще подумала, где он яблоки достал. А он, будто знал, угостил.

— И объяснял хорошо. Смирнов, бывало, разозлится, как гаркнет. А я крику боюсь, мысли теряются. А Сеня... Он спокойно объяснял, шутил.

— Ага. А когда Смирнов ушел, Цветков портрет его нарисовал, смешотный такой, на доске. А Смирнов после вернулся и не заметил. Не понимал еще, чего смеемся.

— Из лесу полную пилотку ягод приволок, оказалось, волчье лыко...

— А как травинку покусывал...

— И колесо на руках делал...

Постепенно подтянулись другие жители деревни. Не нарушая молчания, каждый вспоминал о Цветкове свое. За недолгие дни в деревне, отличаясь буйством молодости и горячей общительностью, лейтенант перезнакомился со всеми. Кому-то печь прочистил, где-то ведро с водой помог донести, пацанов местных футболу учил по городской манере. Матерей успокаивал, когда те дочерей да внушек в отряд посылали. Не пьянствовал, как майор, не кичился, как капитан, к каждому по-свойски мог найти подход. «Хороший человек был», — заканчивались потоки мыслей одной фразой.

Подошли Дорофеев, Смирнов, Петрович.

Дорофеев вышел вперед. Его речь слушали в тишине, и с каждым колючим казенным словом тишина менялась. Вначале безмолвие было полностью искренним и естественным, данью памяти, уважением к покойному. К последним словам Дорофеева о халатности Цветкова люди молчали по-другому: бесполезно пытаюсь отыскать смысл — в абсурдной смерти Цветкова, в окружающей их бесконечной войне, в живущей внутри боли.

Минута молчания закончилась (Дорофеев засекал по часам), Петрович закрыл гроб крышкой, и четверо мужчин на плечах понесли его в сторону кладбища.

Маруся все это время стояла в стороне. Она так и не нашла в себе сил подойти и попрощаться. Она хотела, чтобы он остался для нее вечно живым. Как родители.

На кладбище Маруся тоже отошла в сторону. Рассматривала другие могилы. Дошла до двух заброшенных — кресты покосились, надписи на них закрыла высокая трава. Маруся отодвинула траву, но прочитать все равно не смогла. Ржавчина съела железо, и буквы были почти не видны.

Полина окликнула Марусю, и девушке пришлось возвращаться ко всем. К этому моменту лейтенант был погребен.

Маруся казалась осунувшейся, от городской осанки не осталось и следа. Полина молча обняла ее и повела домой.

* * *

На следующее утро Полина, беспокоясь за Марусю, которую всю ночь одолевали кошмары, решила проводить ее на склад. В покосившейся избе, судьба жильцов которой была неизвестна и которую майор приспособил под хранилище саперных инструментов, пайков и мин, никого не было. Полина, опаздывающая на построение, оставила соседку дожидаться Петровича в сенях и поспешила к отряду. За углом она столкнулась со Смирновым, внимательно слушающим

энергично жестикулирующего Петровича. Старик стоял спиной к Полине, не замечая ее и продолжая говорить: «...руки то Городецкой видели? Она хозяйству не обучена, только и делает, что спрашивает — а что, а как. И пацаненок Ивановой за ней бегает, детский сад какой-то...».

Смирнов, внимательно слушающий увливающего от ответственности Петровича, уже было согласился перевести Марусю в поле, но, заметив Полину, ее молящие глаза, передумал: «Не придумывай, Петрович. Не положено. Завтра у нее повторный экзамен. А пока сказал — помощница, значит помощница». И, вдруг разозлившись на Полину за подавляющий всякое сопротивление взгляд, рявкнул: «А вас, Иванова, на поле уже ищут!».

В тот день освобождали пашню, на которой Тимофей две недели назад потерял мяч. Полина успела вовремя, отряд как раз разбивался по парам. Работалось тяжелее, чем днем ранее: бурьян по пояс сковывал движения, многие мины были заложены еще в сорок первом, и дерн над ними успел сильно зарости. Спустя пару часов, когда отряд обезвредил два десятка мин, а одна из девушек успела потерять сознание под жгучими лучами августовского солнца, подъехала черная волга. С водительского места поднялся следователь, приглашающе помахал рукой и сел на заднее сидение. Смирнов шел к автомобилю, постоянно озираясь на работающих девушек и постепенно закипая. Около машины он столкнулся с Дорощевым.

— Думаете, сейчас подходящее время для допроса? — начал капитан вместо приветствия, сев на заднее сидение около следователя, и продолжая сквозь окно следить за работающими саперами.

— Кириллов, майор... — начал было следователь, но капитан прервал его:

— У них второй день. Я должен быть на поле!

— Да-да — безразлично протянул Кириллов. — Ваши документы, будьте добры. Спасибо.

* * *

На следующий день Маруся вышла из дома и нехотя направилась к штабу. Прямо на нее оттуда выскочил Тимофей.

— Тима, что ты тут делаешь? — встревожилась Маруся, зная, что Полина запрягает сына сюда приходить. — Что-то случилось?

Тимофей протянул руку и разжал ладонь. На ней лежала маленькая обгоревшая иконка.

— Нашел случайно. Твоя?

— Моя, — сказала Маруся. — То есть не моя...

— Твоя, не ври. Я видел ее у тебя, — очень легко и без всяких обид сказал Тимофей. — У Петровича похожая есть. Он иногда ей молится и приговаривает: Бог сам все управит.

— Только не говори никому, — сказала Маруся, пряча иконку.

— Могила, — серьезно кивнул Тимка.

Маруся отправились в штаб, где встретила Смирнова. Неподалеку стояла Полина, они с капитаном украдкой посматривали друг на друга и улыбались.

— Здравствуйте, товарищ Смирнов, — сказала Маруся. — Вы у меня сегодня экзамен принимать должны, помните?

— Помню. Готовы?

— Так точно. Только что еще раз повторила, — кивнула Маруся на открытые двери учебного класса.

Смирнов обратился к Полине:

— Иванова, вы говорили, землянку нашли заминированную. Отведете нас туда. Я только оборудование возьму.

Об иконке Маруся умолчала, не зная, как на это среагирует подруга. Вернулся Смирнов, с полным вещмешком за спиной и двумя щупами в руках, отказался от помощи и велел показывать дорогу. Так и шли, Полина об руку с Марусей и Смирнов позади.

— Вот, мина, натяжная. За ней землянка, — показала Полина. Последние пятьдесят метров они шли со щупами, но новых подлянок не обнаружили.

— Приступайте, Городецкая, — скомандовал Смирнов — педантично и постепенно, очень медленно, проговаривайте каждое движение вслух. Я буду рядом, контролировать и помогать. А вы, Иванова, отойдите — обратился капитан уже к Полине, и, восхищаясь ее упрямством, добавил: — Еще дальше. Еще. Стойте там.

Маруся присела у куста, к которому была привязана проволока.

— Бог сам все управит. — прошептала Маруся, сжав иконку в кармане.

— Что ты сказала? — не расслышал Смирнов.

— Приступаю к разминированию, — ответила Маруся и двинулась вперед.

Шаг за шагом перемещалась вдоль тончающего металлического шнура в поисках мины. Обнаружила:

— Вот она. Придерживаю провод рукой, вставляю в чеку гвоздик. Обрезаю провод. Извлекаю капсульный детонатор. Перехожу к взрывателю. Аккуратно и помаленьку поворачиваю.

— Почему взрыватель нужно извлекать крайне медленно? — уточнил Смирнов.

— От долгого лежания тола образуется пироксилин. При резком выдергивании взрывателя он может воспламениться от силы трения.

— Верно. Продолжайте.

— Извлекаю взрыватель. Проверяю отсутствие других взрывателей и проводов. Чисто.

— Молодец, Городецкая. Отлично! — На секунду расслабился капитан, подождал Полину и скомандовал, — берите щупы и проверяйте местность в радиусе пятидесяти метров от землянки. К самой землянке ни в коем случае не подходить, ничего не трогать. Я пойду с Городецкой.

На проверку ушел час. Полинин улов составил 4 противопехотных мины, Маруся, под неусыпным взглядом Смирнова, добавила еще три.

— Вы молодец, Городецкая. Ваш экзамен сдан, с сегодняшнего дня приступаете к работе на поле.

День кончился благополучно. «Хороший день. Все живы. Никто не умер», — радовались девушки, и кто-то обязательно добавлял: «Разве что комары». «Или моя спина», — подхватывала другая. Отряд шел с поля до

Перед выходом на разминирование.
Кадр из к/ф «Рябиновый вальс».

мой, уставший, потный, голодный. Счастливый, веселый, гордящийся успехами. Освобожденное поле, на котором девушки откопали пару жменей редиса, мины, лежащие точно по схеме в один слой, и живые подружки, кажущиеся родными, будоражили девушек, складывая обветренные уставшие губы в искренние улыбки.

Необъяснимая тревога сковывала Полину с самого утра. Разделив хлеб, вечерашние картошку и редис с сыном, она запустила руку в светлую шевелюру Тимофея и стала ее лохматить. Тимофей ворчал, не понимая вдруг нахлынувшей от матери нежности, отворачивался и отодвигался.

Маруся проснулась поздно. Сон пошел ей на пользу, выглядела она лучше. Она не знала, куда деть иконку, и в итоге решила спрятать у себя под матрасом.

Начинался день как обычно. Построение, путь до поля, деление по парам. Работа. Мины. Противопехотные. Противотанковые. Чередование смерти.

Полина, работая щупом, вдруг обернулась. Смирнов стоял рядом с Комаровой, объяснял ей что-то, строго улыбался. И вдруг раздался щелчок. Полина наступила на мину.

Секунда. «Прыгай! Прыгай и ложись! — закричало сознание — Спасайся». А она не может пошевелиться. Ноги ооченели, руки задубели, тело, словно холодный воск, застыло в неудобной позе, мышцы то горят, то сводит судорогой. Капля пота на виске. Еще одна. Лицо будто маска, искусственное. Полина хотела позвать капитана, но не смогла вымолвить не слова. Рот не подчинялся ей. Она вдруг увидела себя со стороны, откуда-то сверху. Предательски дрожащие руки, привыкшие к серпу и косе, держат тяжелый щуп. Заноза впивается в сжатую ладонь. А боли нет.

Список минеров-саперов, выбывших из строя при разминировании территории Вытегорского и Оштинского районов Вологодской области в период с 26.07 по 9.09. 1944 г.
Кадр из к/ф «Выпускной на минном поле».

СПИСОК минеров-саперов выбывших из строя.			
Дата	Причина	Фамилия, имя	Район
ввб.	ввб.тия	отчество.	
26/УП	ранен	Командиров Ф.И.	
26/УП	умерла от ран	Панкова М.А.	Оштинский
26/УП	ранена	Афонина Н.И.	Оштинский
26/УП	умер от ран	Печугин	Вытегра
26/УП	умер от ран	Есин	Вытегра
26/УП	ранена	Михалова А.В.	Оштинский
26/УП	погибла от мины	Панфилова Е.	Вытегра
26/УП	ранена	Сергеева А.А.	Вытегра
26/УП	ранена	Софронова	Вытегра
26/УП	погиб от мины	Попов	Вытегра
27/УП	погибла от мины	Брикова Н.П.	Вытегра

Секунда, еще одна. Капля пота с виска уже перебралась на ключицу. Все чувства обострились. Полина слышала вкрадчивый шум дубов на окраине поля, словесную перебранку подруг в ста метрах сбоку, писк комара у уха, шелест подающейся ветру высокой, в половину человеческого роста, травы. Она опустила глаза. Нога как нога. Лишь кожа бледная, в непонятных пупырышках, грязная от работы в земле. Мины не видно. Неторопливо ползет жук, перебираясь с травинки на стебель. Одинокий василек ободряюще гладил Полину лодыжку. Они тоже погибли — без жалости подумала Полина. И тут она услышала шаги. То был Смирнов, осторожно приближавшийся к за-

стывшей в напряжении Полине.

— Не подходите! Она сейчас взорвется! — вдруг нашла в себе силы девушка.

— Замри. Не двигайся! — капитан медленно отобрал у Полины щуп, положил его рядом, опустился перед ней на колени.

— Наверное, боек заржавел, — наконец произнес капитан, понимая, что с каждой секундой тишины паника лишь усиливается. Он оглянулся, нашел подходящую палочку, аккуратно вставил ее в щель между бруском нажимного действия и миной, придерживая ногу девушки, и продолжил: — Будем взрывать на месте. Полина, ты иди.

— Не могу. Не слушаются ноги.

Смирнов поднялся, подал ей руку, приобнял, помог сойти с мины. Скорее стащил. Вернулся к мине, скомандовал, громко, на все поле: «Отряд! Будем взрывать на месте. Медленно отходим в направлении дороги». Увидев, что девушки двинулись, достал бикфордов шнур и поджег его. Встал было бежать, но заметил, что Полина отошла недостаточно далеко, ринулся к ней, подхватил, пронес пару метров, бросил на землю, накрыл собой. Взрыв. Земляные комья, словно дождь, обрушились на них.

В пустую церковь собралось все село, слушали граммофон, обсуждали последние новости и предстоящую грозу. Небо затянуло черными тяжелыми облаками, а дождь все никак не начинался. Дети затеяли веселую возню в догонялки и, разыгравшись, опрокинули источник музыки. Петрович, ворча и ругаясь, попытался в очередной раз починить безнадежно сломанный граммофон.

Радостный Тима предложил сбегать за гитарой. Маруся засмузилась, но под гул одобрения взяла принесенный мальчиком инструмент. Тима с нетерпением и гордостью ждал, пока Маруся настроит гитару.

Первый аккорд. «Романс. Ахматова», — объявила артистка. «Тебе, Сеня, тебе», — добавила мысленно.

Стол, где разбитый искусственный звук заменил настоящий, живой и трепещущий, стоял на выступе в эркере. Там раньше располагался алтарь и оттуда начиналась церковная служба. Благодаря архитектору, чистый, ангельски звонкий, пронзительный, рождающийся глубоко за диафрагмой голос, сопровож-

II. Уничтожено взрывоопасных единиц и собрано

№№ по порядку	Наименование мин, боеприпасов, вооружения и другого военного имущества	Единица измерения	Уничтожено подрывом взрывоопасных единиц
1	2	3	4
1	Минопан 5	шт	1590
2	" м.м. 35	"	289
3	" фп-1, фп-2	"	1079
4	" м.м. 6-7-74	"	15536
5	" трубка шпале	"	3137
6	" ф	"	184
7	Сарафан 152 мм	"	97
8	" 82 мм	"	311
9	" 50 мм	"	635
10	Ураган фугас	"	945
11	фугас	"	26
12	Минопан Самод. Водостое	"	369
13	" м.м. 3-2	"	493
14	Фугас Автоматический	"	4
15	" Всплывающий	"	30

Выписка из журнала учета уничтоженных взрывоопасных предметов и собранного оружия и боеприпасов при разминировании территории Вытегорского и Оштинского районов Вологодской области, 1944 г. Кадр из к/ф «Выпускной на минном поле».

ждаемый трогательной, искренней и безукоризненно исполняемой мелодией, под осыпающимися дугами сводов, затрагивал каждого, пробивая напускную, необходимую для жизни сдержанность и попадая прямым в сердце.

Подобно великим артистам, Маруся вкладывала в романс собственную боль, стихи идеально ложились на пустоту внутри, и, отдавая себя песне, целиком и беспредельно, Маруся прекратила быть человеком и стала музыкой. Музыкой с большой буквы, мелодией, пробуждающей лучшее в людях, звуком, срывающим слои лжи и обмана, дабы обнажить истинную природу человека, искусством, говорящим невыраженное словами, напевом на языке души. Пение действовало на всех. Тусклое освещение отражалось сотней влажных глаз. Раскаты грома объединяли синхронной дрожью. Женщины, за годы войны поседевшие, вспоминали мужей и сыновей, живых и мертвых. Майор, в отсутствие следователя расслабленный, задумавшись, смотрел в окно, в одну точку, а его лицо стало простым и детским. Петрович, закутанный в привычный ватник, покачивался из стороны в сторону, отдавшись нотному приливу. Девушки тоже мечтали и плакали, в основном о любви, кто о возможной, будущей, послевоенной, кто о потерянной и неразделенной.

На подоконнике в компании ровесников игрался Тимофей. На секунду Полина увидела у окна его отца. Те же белые растрепанные волосы, не поддающиеся расческе, бушующая внутри страсть и ревность, выдвинутый подбородок, низкие скулы.

Образ, стоящий перед глазами, и сидящий рядом Смирнов, дотронувшийся до руки, никак не соединялись в одну картину, спорили внутри Полины, пока та, не выдержав, не выбежала из церкви.

Дорога освещалась вспышками молний, но Полина не смотрела под ноги, не чувствовала ни дождя, ни промокших туфелек, ни порождающих фейерверки брызг луж, в которые она вступала. Полина бежала бесцельно, пытаясь уйти от своих чувств, пробуждающихся с каждой каплей.

* * *

Полина неспешно брела домой, мечтательно собирая босыми ступнями рассыпавшиеся бусинки росы. Наполненные прозрачной магией капельки приятно холодили, рассветное марево тоже дышало прохладой. Повернув к избе, девушка заметила сидящую на скамье у сеней Марусю, закутанную в одеяло. Встретив реальность, она спешно привела себя в порядок и присела рядом с Марусей:

— Не спишь?

— Чего-то не спится, — грустно улыбнулась Маруся. — Знаешь, мне кажется, будто наше поле живое. Раньше оно все пшеницей засеяно было, жизнь приносило, хлеб. А после, люди сами, своими руками в него вложили то, что смерть приносит. Если засеять его снова, жизнью, оно будет нести жизнь. Но пока на нем только зло, мины, оно приносит смерть. Оно чувствует... Как думаешь?

— Сказки все это, Маруся, — Полина пожимает плечами — Не мы ж эту войну придумали. Вот фашисты пусть и подрываются. Нас-то чего оно трогает? Поле, оно и есть поле. Земля.

— Полю все равно, свой ты или чужой. Оно чувствует, оно выбирает. Кто-то у края подрывается, а другие через все поле пройдут, так и не узнают, что оно минное.

Полина ласково коснулась руки Маруси и сменила тему:

— Ты вчера играла так... И пела... Так чувственно... Слов не подобрать...

— Спасибо. — После паузы ответила Маруся — Для Сени. Подумала, вдруг мой последний концерт. А я ему так и не спела ни разу. Надеюсь, он услышал. Где бы он ни был.

* * *

Еще один день закончился без смертей. Все облегченно вздохнули. Шли с работы и весело болтали. В такие дни Полине казалось, что поле и правда живое, что оно ждет не дождется, когда его освободят от металлических болячек и снова посеют пшеницу.

Полине старалась идти рядом с Марусей. Проходили мимо сельского кладбища.

— Ты иди, — Маруся остановилась, — Поля, ты иди, а я к Цветкову зайду. Поговорю.

— Может, вместе? — с тревогой спросила Полина, вглядываясь в подругу.

— Нет, не надо. Нам надо побыть вдвоем.

Полина пожалала плечами.

Маруся подошла к могиле Цветкова. Положила собранные по дороге полевые цветы. Наклонилась, чтобы стряхнуть землю со свежей деревянной таблички с именем любимого человека, но тут ее взгляд остановился на двух заросших холмиках на краю кладбища. Мысленно она часто возвращалась к ним, даже хотела спросить Петровича, но боялась, что он раскроет ее тайну.

Осторожно присела возле покрытой ржавчиной таблички, текст которой не смогла разобрать прошлый раз. Достала из кармана тряпочку, оставшуюся с работы на поле, и принялась чистить надпись. После получаса работы с трудом смогла прочитать первую строчку: «Отец Тихон». Отложила тряпочку и с облегчением вздохнула. Маруся по отчеству была Александровной.

Маруся стала собираться, но, взглянув на очищенную до половины табличку, остановилась. Стало стыдно, что не сделала работу до конца. Она снова принялась тереть грязно-рыжий металл, из-под которого постепенно появлялись скобки, затем буквы, которые сложились в слово «Александр Городе...».

Дальше все стало ясно. Маруся нашла то, что искала. Здесь лежат ее родители, в этой деревне она жила первые два года своей жизни. И тут же, словно во сне, к ней пришли воспоминания. Нет, не в лицах, а в запахе дома, ладана и свежесдобитого хлеба, в чувстве теплоты и защищенности. Свернувшись калачиком, Маруся пролежала возле могил до самой темноты, затем, попрощавшись с мамой и папой, ушла в чужой дом.

* * *

Ужинали молча — каждый думал о своем. Это было странно, но никто не заметил тишины, уж больно все были заняты своими мыслями.

Прошлая бессонная ночь сказалась на Полине. Она прилегла рядом с сыном на пять минут, чтобы успокоить его бдительность, а проснулась уже на рассвете.

В этот день более всего капитан волновался за Марусю, которую словно подменили с утра. Обычно спокойная и меланхоличная, тонкая артистичная натура, она стала не-свойски деловой и самоуверенной, впервые работая с минами, разговаривала с ними и заигрывала, шутила одной ей смешными шутками, не принимая помощь и работая в одиночестве.

— Как вы, Городецкая? Получается? — присел к ней подошедший Смирнов.

— Да! После обеда уже семь мин обезвредила. Вы, когда ушли, у меня в одной мине предохранитель обломался. Так я не испугалась даже.

— И что ты сделала?

— Ногой ее пнула — с серьезным видом ответила Маруся, и, заметив округлившиеся глаза и напрягшиеся жилы капитана, засмеялась, продолжила. — Лицо у вас такое забавное. Шучу я. Как вы учили, хотела гвоздик, но они кончились, и я тогда шпильку для волос вместо взрывателя засунула. И все. Вон, — кивает в сторону, — баклуша какая валяется.

— Правильно. Обязательно зовите меня, если нужна будет помощь. А с саперным снаряжением будьте внимательней. Вот, возьмите гвоздики.

— Спасибо. Это я сначала боялась, а теперь даже смешно. Интересно. Ищу, как грибы белые, до войны.

Маруся говорила, не замечая, что выпрямившийся в рост капитан не слушает ее, смотрит вверх, вдаль. На прилегающей дороге, где полчаса назад он радовался ветру и улыбался, медленной и мечтательной походкой шла Полина, улыбаясь той же улыбкой.

— Товарищ командир, Вы мне под руку не смотрите. Хотите, себе мину найдите и разминировать. А эта моя! — сказала Маруся и подняла глаза на капитана. Тот кивнул: «да, да», и сделал шаг, затем еще и еще, пребывая в наваждении. Маруся, крепко держащая наполовину извлеченную мину, проводила его путь взглядом, увидела Полину, понимающе улыбнулась и обернулась назад к мине.

Прежде Маруся никогда в жизни не видела змей. Лишь однажды она уговорила тетку отпустить ее, всего на неделю, с подругой в деревню. Маруся ходила за грибами и на рыбалку, участвовала в сенокосе и сборе урожая, но так и не познакомилась с извилистым чешуйчатым животным.

Сложись та неделя иначе, Маруся уронила бы корзину с грибами, узнала бы, что ужи не ядовиты, и дело окончилось бы легким испугом. Но судьба-ехидна решила подарить ей такую встречу лишь девятнадцатого августа сорок четвертого года.

Наблюдая, как Полина делает первые шаги по полю, как двинулся ей навстречу Смирнов, Маруся невольно вспомнила своего Сеню и его слова:

— Вон ваше облако. Это большой белый рояль. Значит, вы будете самой известной актрисой...

Маруся чувствовала краем губ робкий, первым следовавший за предсказанием, поцелуй. Потом вспомнила, как лежала вчера на могиле родителей, и почему-то ей стало тепло и хорошо оттого, что она теперь не безродная девица, а родительская дочка, пусть и священников.

Маруся опустила было руку в карман, где лежала иконка, и вспомнила, что оставила ее под матрасом. И вдруг из кустов прямо к ее ноге быстро пополз уж. Ощувив его прикосновение, она испугалась, вскочила и выронила снаряд.

За три километра от поля, у рисующего в соседней комнате Тимофея сломался подаренный Марусей волшебный карандаш. Только распрягший кобылу Петрович, оглянувшись, перекрестился и принялся вновь снаряжать ничего не понимающую лошадь.

Смирнов вдруг очутился на земле. Звуки исчезли, в ушах будто вата, во рту вкус земли и крови, немного ноет нога. Открыв глаза, капитан увидел Дорофеева, трясущего его за плечо и что-то кричащего. Смирнов по губам догадался о вопросе майора и кивнул, да, в порядке.

«Неужели это Маруся?» — никак не могла поверить Полина, пока, под руководством майора, другие девушки выносили с поля пострадавшую. Дикие, полные беспросветного ужаса и боли крики-стоны не имели ничего общего со звучавшим накануне ангельским чарующим голосом.

Пока крики не стихли, скрючившаяся на земле Полина не проронила ни слова, лишь безмолвно истерически рыдала. А когда наступила тоскливая душная тишина, не выдержала и закричала полю. Била и ругала его, посыпая ударами, стараясь заставить землю почувствовать хоть частицу приносящего ему горя.

* * *

— А что потом было? — едва слышно спросил Смирнов.

— Петрович Марусю в санчасть повез. А Дорофеев, увидев, что ты сознание потерял, всех с поля отпустил и позвал меня и Петровича, чтобы помогли тебя

до деревни дотащить. У тебя контузия, наверное, и в ноге осколок был. Баба Женя, ну, бабка Веры Митиной, она повитуха наша, и ветеринаром работала, мы ее попросили, она осколок вытащила, зашила, забинтовала — внешне спокойную Полину выдавало запачканное грязью лицо, — вытирая слезы, она позабыла о земле на руках.

Смирнов огляделся. Его изба, его комната, заправленная мятая кровать, на которой он очнулся, верхние пуговицы гимнастерки расстегнуты, правая штанина закатана выше колена, голень перевязана. Рядом с постелью на табурете примостилась Полина.

— А бинт где взяли?

— В твоей сумке нашли, — сказала Полина и вдруг вновь разрыдалась, — Это я виновата. И в том, что Марусю ранило, и что тебя. Она не готова была еще разминировать. Не стоило ей разрешать. А она уговорила. Она еще не пришла в себя после Цветкова...

— Не вини себя, — Смирнов резко сел на кровати. Слегка морщась, встал на ноги и едва не потерял равновесие. Полина придержала. — Если кто и виноват, то я. Я ее учил. Я был рядом с ней. Я видел, как она начала разминировать. Все делала правильно, четко, была собрана. Я расслабился. Моя ошибка. Моя вина. Не твоя.

— Нет, и не твоя, Алексей, не твоя. Мины. Поле. Земля. Они непредсказуемы. Там каждый может погибнуть. И я, и ты.

Без стука зашел Дорофеев, выразительно посмотрел на Полину.

— Я пойду, товарищ командир? — спросила та, и, дождавшись кивка, вышла из комнаты, обернувшись напоследок к Смирнову.

— Как Городецкая? — закатывая штанину и оправляя одежду, вместо приветствия и благодарности, поинтересовался капитан.

— Жива. — Мрачно кивнул Дорофеев. Он выглядел болезненно, отталкивая неестественно серой кожей, запавшими морщинами, мешками под глазами. — Только вот руки... И обгорела вся, ожоги страшные.

— Я им в глаза смотреть не могу. — Смирнов подошел к окну, наблюдая за деревней — Все на моей совести.

— Ты-то здесь причем? — искренне удивился Дорофеев. — Ты, что ли, эти мины закладывал?

Ночь была зябкая, промозглая, холодная. Полина, приоткрыв дверь в избу, вдруг заметила сидящего у кровати Тимофея мужчину. Тот встал, обернулся.

— Егор, — беззвучно крикнула Полина, отступила и плавно сползла вдоль стенки.

Проснулся Тимофей, в тишине он радовался и обнимался с отцом, ел кашу, тихо восхищался трофейным шоколадом и медалями отца:

— За отвагу! Отличный танкист! О, Красной Звезды?! — радовался мальчишка, и, что-то вспомнив, спросил — Пап, а можно я твой шлем возьму? Я к Витьку, только на минутку!

Егор согласно кивнул, и Тимофей оставил родителей наедине. Молчать становилось неумоготу. Егор решил объясниться:

— Полина. Ты прости меня, — он говорил рубленными отрывистыми фразами, — Не написал, что живой. Ранили. Думал, не выживу. Выжил. Орден дали. Домой хотел приехать неожиданно. Чтобы радость была... Я насовсем. Комиссованный.

Полина лишь всхлипнула, ничего не ответила, закрыла лицо руками и беззвучно заплакала.

ЭПИЛОГ

Меня зовут Николай. Мне одиннадцать лет. Мую мамку звать Полиной, а папку Егором. Еще у меня есть брат Пшилка, хотя он не любит, когда я его так называю. Он уже большой и учится в городе, а живет у тети Маруси.

Я родился 23 мая 1945 года, спустя две недели после окончания войны. Мои родители сейчас работают в колхозе, но на войне папка был танкистом и получил три медали, а мамка ждала его в тылу и разминировала минные поля. Она рассказывает, что носила мины на боку, пока я был у нее в животе. Сейчас на этих полях растут пшеница и рожь, а тогда там прятались мины. А теперь хлеб с поля убирает на комбайне мой папка. Мама и тетя Маруся говорят, что поле живое. Надо только уметь его услышать. Но мы с папкой ничего не слышим.

Жаль, что у меня нет ни бабушек, ни дедушек, только Петрович, да он совсем старый уже.

Каждый год в августе к нам в гости приезжает тетя Маруся. Она живет в городе и поет на радио. Мама считает ее нашей родственницей, потому что они вместе разминировали поля, но тетя Маруся испугалась земли и подорвалась. Жаль, что меня не было рядом. Я ужей не боюсь, а бы помог. Когда тетя Маруся приезжает, они с мамой ходят на кладбище и плачут. Один раз я хотел утешить тетю Марусю и подарил ей букет одуванчиков. Но она еще больше расплакалась.

Вот такая у меня семья.

Иванов Николай Егорович, 11 лет, сочинение „Моя семья”.

4 сентября 1956 года

Мария Серышева, участница разминирования на территории Вытегорского и Оштинского районов Вологодской области в 1944 г. Кадр из к/ф «Выпускной на минном поле».

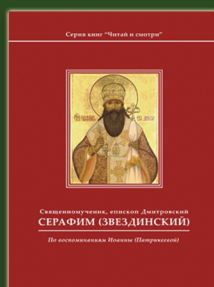
Могила Таисии Новожиловой, девушки-сапера, погибшей при разминировании территории Вытегорского района Вологодской области в 1944 г. Кадр из к/ф «Выпускной на минном поле».

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Книга 1.
Аркадий Зюзин
“Непобежденный”

Книга 2.
“Священномученик
епископ
Дмитровский
Серафим
(Звездинский)”

Книга 3.
Аркадий Зюзин
“Первые
в созвездии СУ”

Книга 4.
Аркадий Зюзин
“На защите
Отечества”

Книга 5.
Лариса Черкашина
“Александр Пушкин.
Тайны древа”

Книга 6.
Аркадий Зюзин
“Притяжению
земному вопреки”

Книга 7.
Ирина Пятилетова
“Странствия
русского
пилигрима.
Святая Земля”

Книга 8.
Ирина Соловей
«Архангельское,
«что в бору»

Книга 9.
Николай Черкашин
“Легендарный
Севастополь”

Книга 10.
Аркадий Зюзин,
Николай Черкашин
“Бросая
вызов
бездне”

Книга 11.
Ирина Пятилетова,
“Иоанна из рода
Патрикеевых.
(Иоанна
Дмитровская)”

Книга 12.
Татьяна Мирошник,
Владимир Мирошник
“Минное поле”
*Рекомендуем
посмотреть!*

X/f “О тех, кого
помню и люблю”

Режиссер Н. Трощенко
X/f “Рябиновый вальс”
Режиссер А. Семенова, А. Смирнов
Д/ф “Выпускной на минном поле”
Режиссер А. Семенова

Читай и смотри интернет-версию: kino-slovo.ru

© Образовательный проект «Берега»
Авторы проекта Ирина Дядченко, Юлия Васечко
Литературный редактор Ирина Пятилетова
Корректор Мария Лобанова

Выражаем благодарность спонсорам за поддержку проекта
Москва - 2018

